

К. В. Долгов

**Письма Победоносцева к
Александру III**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. В. Долгов**
Письма Победоносцева к Александру III: Том 2 / К. В. Долгов – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 384 с.

ISBN 978-5-518-05393-9

С приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II.

ISBN 978-5-518-05393-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1883 г.

1.

Редакция манифеста, присланная от вашего императорского величества, не показалась мне удовлетворительною. Она списана (как изволите усмотреть из прилагаемой книги) с подобного же манифеста 17 апреля 1856 года, и это довольно неудобно. Мне кажется, для приличия следует разнообразить редакцию. Притом нынешняя редакция, с некоторыми изменениями, представляется мне слабее прежней. Я предпочел составить новую, которую и представляю на благоусмотрение вашего величества.

В ту пору можно было указать на Парижский мир, как на явный признак того, что „возвращено России прежнее спокойствие“, то-есть вернулось мирное состояние после бедственной войны. Теперь нельзя указать на такой признак, и потому мне весьма не нравится фраза: „Ныне, когда всеблагий промысл возвращает России прежнее спокойствие“ (как будто оно было во внутреннем состоянии в последние годы минувшего царствования).

Я думаю, что гораздо приличнее вовсе не упоминать об этом, а прямо перейти к мысли о том, что настало уже время и пр. А перед этим сказано вообще—об успокоении возмущенного народного чувства. Точно также и формулу молитвы я признал нужным изменить. Вначале поставлена у меня фраза: „во время смуты“. Если это слово смута показалось слишком резким,—его можно выпустить, оставив только слова: „в минуту страшного потрясения“.

Константин Победоносцев.

14 января 1883.

Еще одно примечание. В конце у меня поставлено: попечение о благе народа, а не народов, как сказано было в прежней и в печатной редакции. И в 1856 году это слово: народов—казалось странным. Замечали, что австрийский император может говорить о своих народах, а у нас народ один и власть единая.

2.

С сердечною благодарностью возвращаю вашему величеству письма В. А. Жуковского. Поистине это была простая, чистая и ясная душа,—и вся она сказывается в письме от 30 августа 1843 года.

Когда читаешь это письмо, невольно обращаешься мыслию к той эпохе, когда оно было писано—40 лет тому назад. Это было самое ясное и блестящее время царствования императора Николая. Многие вокруг поэта было просто и ясно; просты и ясны казались и те задачи жизни, которые с тех пор усложнились и запутались невообразимо. Есть времена, когда дорога впереди стелется широкою стезею, и видно куда идти. Есть другие времена, когда впереди туман, вокруг болота. То время и нынешнее—какая разница,—точно весь мир вокруг нас переменялся. Невольно приходит мысль: эта простая душа, эта ясная мысль—как выразилась бы у Жуковского, еслиб он писал не в 1843 году, а хоть двадцать лет спустя?

И богу не угодно было, чтоб он дожил до того времени, когда его державный воспитанник стал императором и вступил в дело. Кажется, для покойного государя и для всей России было бы неоценимым благом присутствие—только присутствие—человека с такою душою, с прямым и ясным взглядом русского человека на дела и на людей. С Жуковским,—и может быть с ним только одним,—покойный государь в состоянии был бы говорить прямо, без малейшей тени, и принял бы слово от него с полным доверием. Жуковский ясным чутьем своим понял бы все, что было фальшивого во многих мерах, которые представлялись государю в эпоху реформ, и указал бы прямо на опасность, грозившую

тем основным началам правления, которые он так просто и ясно излагал в письме своем. И когда вспомнишь, какие люди в ту пору—в середине 60-х годов—решали судьбу этих реформ, пожалеешь, человеческим рассуждением, что Жуковского не было. Но видно так богу было угодно, чтоб не было ни его, ни ему подобных.

Константин Победоносцев.

1 февраля 1883.

3.

Снова осмеливаюсь явиться просителем к вашему императорскому величеству—выпрашивать пособие доброму делу.

Вы изволите припомнить, как несколько лет тому назад я докладывал вам о Сергее Рачинском, почтенном человеке, который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на житье в свое имение, в самой отдаленной лесной глуши Бельского уезда Смоленской губернии, и живет там безвыездно вот уже более 14 лет, работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян, сидевших во тьме кромешной, стал поистине благодетелем целой местности, основал и ведет, с помощью 4 священников, 5 народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли. Это человек замечательный. Все, что у него есть, и все средства своего имения он отдает до копейки на это дело, ограничив свои потребности до последней степени. Между тем дело разрастается у него под руками, и он уже вынужден сокращать его за недостатком средств.

Кроме школ он устроил у себя специальную больницу для сифилиса, который, как известно, составляет у нас в иных местностях язву населения по деревням, передаваясь наследственно от одного поколения другому. Эта больница чрезвычайно полезна; но, к сожалению, и она должна закрыться.

„Увы!—писал мне Рачинский в декабре прошлого года,—эта затея слишком дорогая, чтоб я мог надеяться получить

откуда-либо средства на ее дальнейшую поддержку. Ее годовой бюджет—600 рублей (фельдшер—300, содержание больных—200, прислуга, медикаменты, освещение—около 100 руб. Отопление дает брат). Но мало того,—временное помещение никуда негодно; нужна постройка, которая обойдется рублей в 1.500. В больнице 4 кровати, занятые постоянно, лечилось в течение 9 месяцев у меня 21 человек; дома—около 90. Дело несомненно полезное,—сифилис, кроме случаев исключительных, излечим наверное (фельдшер отличный, шесть раз в год приезжает врач). Но это дело я не могу продолжать иначе, как в долг. Это безумие, на которое я решился—и теперь сам не знаю, как быть“.

А на-днях он пишет: „Тяжкое, но необходимое дело—привести в порядок мой бюджет... Закрытие больницы последует в мае (зимою рука не поднимается—так много больных)“.

Простите, ваше величество, что утруждаю вас чтением всего вышеписанного. Мысль моя такова: покуда жив еще человек, умеющий вести такое доброе для народа дело и полагающий в него свою душу,—стоит поддержать его. Вы мне позволили просить, и я решаюсь на сей раз. Не благоволите ли, для поддержания этой больницы, пожаловать 2.000 рублей, из коих 1.500 пойдет на строение, а 500 на содержание в течение года? Этот дар вашего величества ободрит и оживит радостью всех трудящихся в этом деле.

Долгом почитаю прибавить, что сам Рачинский и в мысли не имеет чего-либо просить, ожидать или надеяться от щедрот вашего величества.

Константин Победоносцев.

9 февраля 1883.

4.

Простите, ваше императорское величество, что я осмеливаюсь еще раз беспокоить вас письмом по тому же делу. И теперь, как в тот раз, имею в виду одну только цель—благо вашего императорского величества и достоинство власти в трудное время. Продолжаю почитать это дело делом

великой важности, именно в виду коронации и существующего народного настроения.

Сейчас я виделся с графом Толстым, которому вы изволили отослать письмо мое. Я узнал, что по делу о театрах граф Воронцов представлял вашему величеству доклад, получивший утверждение.

Графу Воронцову я не усомнился бы сказать, что ему не следовало поступать так, не посоветавшись в столь важном деле с другими лицами, кроме чинов театрального управления. Оказывается, что, желая заручиться согласием другого министерства, он имел три месяца тому назад по этому же предмету объяснение с гр. Толстым и получил от гр. Толстого такой ответ, что нельзя разрешить русские оперные спектакли в пост, так как это противно объявленному уже высочайшему повелению 1881 года.

Не взирая на то, гр. Воронцов решился войти с докладом к вашему величеству непосредственно.

Смысл высочайшего повеления ясен, и нынешнее разрешение составляет отмену его. Так оно и будет принято в народе. Можно объяснять сколько угодно, что опера есть соединение живых картин с музыкой. Это может быть понятно петербургскому обществу, но в России не поймут этого, но очень хорошо помнят, что в прежнее время, до высочайшего повеления, испрошенного гр. Адлербергом, никакие оперы не разрешались к представлению. На основании той же логики ничто не мешает разрешить и балет: тут нет даже разговора, а о танцах прямо не сказано в тексте закона.

Графу Толстому приходило на мысль, — не следует ли теперь поместить в „Правительств. Вестнике“ заметку с объяснением, что опера есть будто бы не драматическое представление, а соединение живой картины с музыкой. Но я отклонил его от этой мысли: такое объявление от лица правительства никого не успокоило бы, а только усилило бы тяжкое впечатление.

Ваше величество! я уже в последний [раз] беспокою вас этими строками по настоящему делу. Но долг моего звания и моей сердечной заботы велит мне сказать еще раз: впе-

чатление будет тяжкое. Оно было бы менее тяжело, если бы разрешение последовало после, через год или через несколько лет. Но теперь... теперь люди в первое время откажутся верить. Притом коронация готовится в Москве, а из Москвы вышло главное ходатайство о закрытии театров в пост, и в Москве разрешение спектаклей отозвалось всего чувствительнее. Необходимо поберечь народное чувство в религиозном его элементе именно теперь, когда оно так настроено перед коронацией. Так жених бережет перед браком стыдливое чувство невесты...

Немало найдется людей, которые будут говорить, что это пустые капризы со стороны синода, что это поповский фанатизм, и т. под. Синод ничего и не знает о настоящем случае, и дело не в нем, а в народном чувстве, которое ни за что не поймет, как могут быть спектакли в те дни, когда ежедневно в церкви читается: „Господи, владыко живота моего“... Не поймут также простые люди, как могло вдруг измениться царское слово, встреченное всем народом с такою радостью в дни траура и плача.

Смею уверить ваше величество, что в этом деле насколько не участвует мое самолюбие. Хотя высочайшее повеление 1881 года было не прощено мною, и гр. Воронцову, не послушавшему совета министра внутренних дел, не угодно было посовещаться со мною,—это насколько не обижает меня лично. Я вступаю в это дело потому, что чувствую глубоко всю важность настоящей минуты для целого царствования, всю трудность настоящей эпохи и всю тяготу бремени, возложенного божьим промыслом на вас. Мне больно, что другие этого не чувствуют, но я не в силах уклониться и сказать: не мое дело.

Распоряжение о разрешении оперных спектаклей есть внутреннее, домашнее, по императорским театрам. Оно не было нигде объявлено. Повидимому, было бы незатруднительно и отменить его, пока есть еще время. Если бы и последовал от того убыток для театральной кассы, он не стоит того смущения, которое поднимется от приведения распоряжения в действие. Все это зависит исключительно от воли

вашего императорского величества. Ваше сердце в воле божией, и да пошлет вам бог на мысль правое решение.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

21 февраля 1883.

5.

На днях видел я старика Добрянского, который приехал сюда на несколько дней из Германии, тайком, чтобы не проведали о поездке его в Россию агенты австрийского правительства. Он рассказывает немало ужасного и поучительного.

Чудовищный процесс по обвинению в государственной измене, возбужденный против Добрянского, Наумовича и других, лучших и доблестнейших людей русской народности, привел в изумление здравомыслящих людей в целой Европе. От лица правительства поднято было, без малейших оснований, обвинение в преступлении, влекущем за собою смертную казнь, на русских людей, только за то, что они хотели оставаться русскими и удержать при себе свою церковь! Этим людей заперли в тюрьму на 7 месяцев, томили и подвергали позору и оскорблениям на суде. Суд не признал за ними уголовной вины. Все с удивлением спрашивали: как должно быть безумно правительство, которое допускает такие незаконные преследования, напрасно раздражая ими целую народность?

Но вот что весьма поучительно, и особливо для нас, русских. Австрийское правительство само было опечалено этим процессом и понимало все его беззаконие, но было бессильно предотвратить его и видело себя в необходимости подчиниться партии, возбудившей этот процесс. Роль недостойная правительства; но австрийское правительство нудило себя на эту ложь, потому, что оно утверждает на конституции.

В разноплеменном составе государства, австрийское правительство вынуждено считаться с представителями той

партии, которая в данную минуту имеет силу в парламенте. Министры, состоя в зависимости не от единой воли монарха, а от игры партий в парламенте, для того чтоб сохранить свое положение и удержаться на местах своих, входят в сделку с господствующими партиями и принуждены исполнять их волю, вопреки истинным интересам государства. И так выходит, что государством правят эти партии; в их духе и по их указаниям назначаются местные администраторы, при содействии коих производится фальшивая игра в выборы, которые суть не что иное, как ложь, и так фальшивыми представителями народа поддерживается фальшивое парламентское большинство и фальшивое направление целого правительства.

Нельзя себе представить, сколько проистекает отсюда лжи и беззакония, и какое распространяется хищение и взыточничество. Члены парламента, имея министров в своем распоряжении, торгуют и местами, и казенными сделками и подрядами. Это явление—обычное, более или менее всюду где водворилось парламентское правительство. Недавно в *Revue de deux Mondes* (I Fevr.) была прекрасно написанная статья: *La République en 1883*, где изображено, до чего дошла эта парламентская продажность и эта ложь выборов во Франции. Об Австрии говорил мне Добрянский, близко знающий там и людей и партии: „У вас в России ныне то и дело слышно о растратах и хищениях. Но все эти ваши явления, как они ни развратны, бледнеют перед тем что происходит у нас в Австрии, и обратилось уже в систему, благодаря парламентскому правлению“.

Теперь вся парламентская сила—в руках у мадьяр и у поляков. Мадьяры—полные хозяева у себя и давят без пощады и без совести всякую иную народность, а система выборов так хитро ими же и поляками устроена, что никакая другая славянская народность не может иметь в палате сильного голоса. Поляки устроились так, что в польских провинциях, даже там где, как в Галиции, народ весь чисто русский, вся администрация и всякая власть в руках у поляков.

Когда суд отделен от государства (на наше горе успели сделать это и у нас в России),—и суд становится орудием господствующей партии или известных политических тенденций. Поляки, в неразрывном союзе с католическою церковью, с ксендзами и иезуитами, предприняли задавить и ополячить и окотоличить русское племя. Располагая силою в парламенте, они задумали целый ряд законов к подавлению русской народности: изменение календаря, замену русского алфавита латинским, изгнание русского языка из русской школы, замену русского духовенства латинским, передачу иезуитам русских монастырей и духовных школ; дошло до того, что полиция снимает русские шестиконечные кресты с церквей и заменяет их латинскими. В последние годы завязалась ожесточенная борьба русского народа и духовенства—с латино-польскою властью и пропагандой. Народ без вождей теряется, и вот, поляки задумали задавить процессом главных вождей—Добрянского и Наумовича. У поляков в руках и прокуратура—страшное орудие политической тенденции, и суд. Они возбудили обвинение, засадили обвиненных в тюрьму—правительство из Вены принуждено было смотреть сложа руки на все это беззаконие. Следствие не раскрыло ничего кроме самых обыкновенных и ничтожных фактов, которые обвинительный акт построил—в доказательство государственной измены. Довольно сказать, что одним из доказательств измены приведено было мое мнимое (никогда его не было) ходатайство о принятии будто бы дочери Добрянского на воспитание в петербургский институт и выписка мною самой невинной галицкой газеты через посредство одного из обвиняемых. Казалось смешною всякая мысль о возможности обвинительного приговора; но поляки решили, и когда дело дошло до суда, прокурор—поляк отвел всех русских присяжных,—остались одни поляки с примесью жидов. Обвинение было—несомненное.

И вот что значит суд в конституционном государстве! За несколько дней до приговора жена Добрянского пришла сказать ему, что нет иного средства к оправданию, как подкуп присяжных. А у Добрянского никаких средств уже не

было. Значительное его имение в Венгрии совсем разорено и бесплодно, потому что венгерские власти запретили кому бы то ни было входить в сделки и в хозяйственные операции по его имению. С трудом жена его успела занять 20.000 гульденов, и на эти деньги были подкуплены 6 присяжных. Вот благодаря чему единственно состоялся оправдательный приговор!

Вот— плоды конституционного правления! Ныне оно уже дискредитировано всюду, но всюду ложь эта вьелась, и народы не в силах от нее освободиться и идут навстречу роковой судьбе своей. Особливо для юных славянских государств—это первая и самая ужасная язва, разъедающая ложью и раздором весь состав общества, посеяющая разлад и взаимное непонимание и отчуждение между народом и правительством. Доказательства налицо—в Румынии, в Сербии, в несчастной Болгарии, которой, к стыду нашему, мы своими руками привили эту язву,—и конституцию, и суд, отделенный от государственной власти!

Как же безумны, как же ослеплены были те quasi-государственные русские люди, которые задумали обновить будто бы Россию и вывезть правительство из смуты и крамолы посредством учреждения какой-то палаты представителей! Как были легкомысленны те, которые готовы были уступить им и принять сочиненный рецепт, как лекарство от болезни, состоявшей в ослаблении власти. Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта графа Лорис-Меликова и друзей его. Последующая фантазия гр. Игнатьева была еще нелепее, хотя под прикрытием благовидной формы земского собора. Что случилось бы, какая вышла бы смута, когда бы собрались в Москве для обсуждения неведомо чего расписанные им представители народов и инородцев империи, объемлющей вселенную, наполненной пустынями, империи, в коей иной приход Якутской области (1.100 верст длиной) или уезд сибирский может вместить пространство целой Франции. Кому была бы от этого радость и победа, так это полякам, которые, несомненно, стоят, скрытые, в цен-